

Дворников Виктор Викторович

**ПРОБЛЕМА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
ОБЪЕКТИВНОГО ЗНАНИЯ, МИСТИКИ, ПСЕВДОНАУКИ**

Статья посвящена трансформации традиции познания в информационном обществе. Исследуется гуманитарный кризис вследствие неоправданного отождествления знания и информации. Анализируется сосуществование в медийном пространстве научного знания, мистики, псевдонауки. Констатируется, что популярность сенсационных открытий, фальсификаций и мифологем обусловлена их востребованностью значительной частью пользователей Интернета. Проблема, по мнению автора, заключается в переходе к новой системе коммуникации и смене мировоззренческой парадигмы, что требует глубокого и всестороннего изучения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/1/25.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 1(75) С. 98-106. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. **Дашин С. С.** Логика изменения общества: диалектика циклического становления или прогресс? // Проблемы современного естественно-научного и социогуманитарного знания в системе высшего образования: сборник научных статей. Барнаул: АлтГПА, 2009. С. 128-139.
5. **Дашин С. С.** Общие закономерности истории США // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (57): в 2-х ч. Ч. 1. С. 42-45.
6. **Дашин С. С.** Объяснение человеческого бытия в русской философии // Родное и вселенское в судьбе России: сборник статей. Барнаул: БГПУ, 2007. С. 203-206.
7. **Дашин С. С.** Онтологические и фундаментальные физические представления в основании объяснения истории общества // Россия и Европа: связь культуры и экономики: мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф. (28 ноября 2014 г.) / отв. ред. Н. В. Уварина. Прага: WORLD PRESS s.r.o., 2014. С. 215-223.
8. **Дашин С. С.** Осуществление периодизации становления отношения России к США // Наука XXI века: открытия, инновации, технологии: сборник научных трудов по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (г. Смоленск, 30 апреля 2016 г.): в 3-х ч. Смоленск: ООО «НОВАЛЕНСО», 2016. Ч. 2. С. 140-146.
9. **Дашин С. С.** Проявление общей 300-летней закономерности межгосударственных отношений в истории России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4 (66): в 2-х ч. Ч. 2. С. 34-36.
10. **Дашин С. С.** Установление 95-летних общих закономерностей истории США // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 3 (65): в 2-х ч. Ч. 2. С. 47-49.
11. **Дашин С. С.** Установление общих закономерностей бытия и истории общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. 3. С. 46-51.
12. **Дынский М. А.** Материалисты Древней Греции. М.: Политиздат, 1955. 238 с.
13. **Кудрявцев П. С.** Курс истории физики: в 3-х т. М.: Просвещение, 1974. Т. 1. 312 с.
14. **Лосев А. Ф.** Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988. 366 с.
15. **Пантин И. К.** Марксизм: историческое самопознание // Вопросы философии. М., 2009. № 7. С. 12-24.
16. **Парменид.** Из поэмы «О природе» [Электронный ресурс] / пер. Л. М. Гаспарова // Эллинские поэты VIII-III вв. до н.э. М.: Ладомир, 1999. URL: <http://www.ancientrome.ru/antlitr/parmenid/index.htm> (дата обращения: 08.12.2016).
17. **Чанышев А. Н.** Трактат о небытии // Вопросы философии. М., 1990. № 10. С. 4-14.

EXPLANATION OF BEING THROUGH DIALECTICAL MATERIALISTIC ONTOLOGY

Dashin Sergei Semenovich

*Altai State Pedagogical University in Barnaul
kalash-sv@mail.ru*

The article investigates the problem of explaining being as unity and struggle of opposites. Impropriety of existing explanations for common interpretation of opposing manifestations of being requires development of new dialectical materialistic ontology. The analysis of the basic concepts of ontology revealed their validity and compliance with fundamental natural-science ideas and those pertaining to the humanities. The results of this study allow recommending dialectical materialistic ontology to solve the problem of explaining being as its foundation.

Key words and phrases: dialectics; ontology; being; nothingness; substance; materialism; gravitational and electromagnetic interactions; formation; general laws of being.

УДК 130.2(304.2)

Философские науки

Статья посвящена трансформации традиции познания в информационном обществе. Исследуется гуманитарный кризис вследствие неоправданного отождествления знания и информации. Анализируется сосуществование в медийном пространстве научного знания, мистики, псевдонауки. Констатируется, что популярность сенсационных открытий, фальсификаций и мифологем обусловлена их востребованностью значительной частью пользователей Интернета. Проблема, по мнению автора, заключается в переходе к новой системе коммуникации и смене мировоззренческой парадигмы, что требует глубокого и всестороннего изучения.

Ключевые слова и фразы: информационное общество; псевдонаука; надконфессиональность; демаркация; когнитивная традиция; знание и информация; постписьменная культура; гуманитарный кризис; виртуальность; альтернатива; мировоззренческая парадигма.

Дворников Виктор Викторович, к.и.н., доцент

*Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
dvel_08@mail.ru*

ПРОБЛЕМА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА ОБЪЕКТИВНОГО ЗНАНИЯ, МИСТИКИ, ПСЕВДОНАУКИ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-00522.

На рубеже XX-XXI вв. большинство крупнейших мыслителей признало переход к новому цивилизационному этапу развития, сопоставимому с «неолитической революцией» (VIII тыс. до н.э.), возникновением

письменности (III тыс. до н.э.) и началом нового времени пять столетий назад. В глобальном мире неизменно преобразовались все социальные институты и механизмы прежнего индустриального общества: производство, распределение, труд, творчество, сфера обслуживания, каналы применения знания. Происходит стирание границ государств, наций, профессий, качественные изменения семьи, образования, науки, утверждается мультикультурализм.

Скорость перемен в течение последнего столетия, когда уже существовало электричество, радио, телефон, железные дороги, квантовая механика и теория относительности, увеличилась в 50 раз. Динамика изменений обусловила ситуацию «неосознанности происходящего», выраженную американским футурологом Элвином Тоффлером (1928-2016) как «футушок». Формировавшийся веками тип мировосприятия оказался непригодным для функционирования в условиях новой системы усвоения и переработки сведений об окружающем мире.

Вследствие научно-технической революции 1950-1960-х гг. доминируют высокие технологии в сфере коммуникации. В медийном пространстве принципиально иное место отведено познавательной деятельности. При сохранении внешнего авторитета науки нивелируется её статус, социальная база, все больше пользователей предпочитают пошаговые инструкции и адаптированные к интересам потребителя ненаучные и паранаучные сообщения в режиме *online*. Знаком времени стало сосуществование в электронной сети в ситуации свободной конкуренции объективного знания, мистики, эзотерики, псевдонауки.

Непредсказуемы последствия такого влияния на молодежь, не имеющую иммунитета фундаментальных знаний в гуманитарных науках. Общество обеспокоено поддержкой интернет-потребителями всевозможных домыслов, мифологем, фальсификаций, «фейковых конструкций». Авантюристам удаётся вовлечь в утопические проекты тысячи инициативных людей, искренне поддерживающих фантомные идеи «первооткрывателей». Гуманитарный кризис выражается в присутствии в информационном поле невероятного объема недостоверной, умышленно и неосознанно искажаемой информации, различных форм манипуляции сознанием [35, с. 142]: «...начинает доминировать не столько стремление к понятиям, сколько массовая жажда ощущений и впечатлений. Отходя от принципов гуманитарного знания, человек впадает в полную зависимость от манипулятивной культуры. Следствием становится эрозия фундаментального качества человека – способности свободного выбора» [25, с. 237].

На протяжении истории истинное знание сосуществовало с бесосновательно выдающим себя за таковое. Вопрос о демаркации «эпистемы» (знания) и «доксы» (мнения) был поставлен уже в античную эпоху в философии элейцев. С фундаментальных открытий в механике и астрономии в изучении природы утвердились каузальные и детерминистские подходы. Исследовательские области, опирающиеся на магию (алхимия, астрология, хиромантия), исключались из сферы научного интереса. Вместе с тем не только в эпоху Парацельса, но и во времена Ньютона разделение науки и псевдонауки не было актуальным [5, с. 462-468].

С зарождением позитивизма и сциентических тенденций рациональное объяснение мира стало рассматриваться как единственно возможное, предопределив идеологему прогресса. В рамках неопозитивизма (Р. Карнап, О. Нейрат) особую значимость приобрели критерии знания: принцип верификации, провозглашавший установление истины посредством формальных методов, а позже принцип фальсификации (опровержение) К. Поппера.

В XX веке многие направления заслуженно (графология, иридология, физиогномика) и незаслуженно (психиатрия, криминалистика) относили к псевдонауке. Однако дальнейшее развитие показало, что иные типы мировоззрения (мифологическое, религиозное, обыденное), вопреки закону трёх стадий О. Конта, сохранялись и дифференцировались. Философский дискурс витализма А. Шопенгауэра, «философии жизни» Ф. Ницше и В. Дильтея, экзистенциализма С. Кьеркегора отклонился от магистральной линии в сторону интуитивизма и иррационализма.

В медиасреде XXI века прежнее толкование знания как расширения естественно-научной картины мира выглядит неоправданно. Различные элементы мистики, например, могут рассматриваться в качестве лженауки лишь в том случае, если позиционируют себя как науку. Во-первых, не следует идентифицировать псевдонауку в тех исследовательских областях, которые находятся на стадии становления и строго не определены. Некоторые концепции, считающиеся перспективными, впоследствии показывали свою несостоятельность (теории эфира и теплорода в физике, теория народонаселения Т. Мальтуса), и, напротив, казавшиеся тупиковыми – интегрировались в научное знание (теория дрейфа континентов, психоанализ).

Во-вторых, развитие науки неизбежно сопровождается присутствием в допустимых пропорциях дилетантизма (особенно в гуманитарной сфере). Авторы, не обладая необходимой источниковедческой и методологической базой, претендуют на глубокие выводы в силу недостаточного профессионализма. Проблема значительно обостряется, когда дилетанты находятся внутри науки, обладая учеными степенями.

В-третьих, от некорректных работ заблуждающихся авторов следует строго отделять умышленно сфальсифицированные исследования, выдающие себя за открытия в своей области. Категорически недопустимы махинации, аферы, коррупционные схемы с целью изъятия финансовых средств на реализацию якобы прорывных технологий («дело Г. Грабового», «петрикгейт»). На длительный срок в масштабах всей страны может складываться особая идеологическая ситуация, открывающая приоритеты целым псевдонаучным направлениям с десятками подразделений (агробиология Т. Лысенко в годы сталинизма, евгеника в нацистской Германии).

Известный физик, член Нью-Йоркской академии наук А. Хазен подчёркивает, что в науке наряду с неопровержимыми утверждениями существуют ошибки, которые остаются таковыми на всех этапах исследования. Их несостоятельность доказывается областями применимости проверенных моделей. Сами по себе они не являются лженаукой, но могут становиться ею в силу определённых обстоятельств (например, работа К. Э. Циолковского «Второе начало термодинамики», 1905). «Как отличить продуктивные “ошибки” в виде

аксиом, описывающих этапы последовательных приближений в познании природы, от грубых ошибок внутри известных моделей, которые остаются навечно безграмотностью? Процесс и результаты разграничения этих двух классов ошибок и есть существо науки» [32].

В последние десятилетия псевдонаучные концепции оказались чрезвычайно востребованными, наблюдается лавинообразный рост подобной литературы в большинстве нынешних изданий. Как считает Е. Д. Эйдельман, при принятии решений о публикации подобных статей можно использовать 18 простейших критериев, дающих почти стопроцентный результат при диагностировании специфики текста [37, с. 19-24]. Однако это вовсе не решает проблемы, её истоки, вероятно, следует искать совершенно в иной плоскости.

В мультимедийной среде все пользователи (с определёнными оговорками) имеют равный доступ к неконтролируемому потоку информации, получаемые сведения, как правило, неverified. Массовое сознание завораживает новейшие гипотезы и неустановленные факты, осмысление которых предстоит в будущем: голография, фрактальная геометрия, теория суперструн, «туннели во времени», мультивселенная и мн. др. Повышенный интерес к данной проблематике вполне закономерен и обусловлен познавательными мотивировками. В режиме свободной конкуренции интернет-пространства она остаётся огромной лакуной, которая в любой момент может быть заполнена сенсационными открытиями «доморощенных гениев», эзотериков и шарлатанов.

Одним из объяснений настораживающего роста псевдонаучной литературы является ошибочная идентификация в качестве таковой квазирелигии (*со строго религиозных позиций – «внеконфессиональной» религиозности – В. Д.*). Даже в тех случаях, когда авторы позиционируют себя в качестве учёных, налицо значительный элемент сакрализации и попытка ответить на «вечные вопросы», не считаясь с «бритвой Оккама». Если демаркация науки и ненауки вполне оправдана, то установление «неистинной веры» противоречит принципу свободы совести и может решаться исключительно с позиции определенной церкви. Несостоятельность в правовом отношении термина «ложная религия» была показана уже в юридических исследованиях XIX века [28]. Встречающиеся в ряде работ определения «псевдорелигия», «деструктивные культы», «готалитарные секты» и пр. не имеют убедительного толкования. К ним, как правило, без типологического обоснования причисляют широкий спектр всевозможных направлений (от сайентологии до общества анонимных алкоголиков) [15]. В научном религиоведении данное явление уместнее обозначать как новые религиозные движения (НРД), некоторые исследователи высказываются за термин «внеконфессиональная религиозность» [11].

В этом же контексте следует рассматривать интерпретацию в качестве псевдонауки современной эзотерики, вопреки изначальной сущности превратившейся в один из массовых видов «околорелигиозного творчества». Крайний субъективизм подобных открывателей тайн мироздания, порой не отличимый от маниакального бреда, с точки зрения В. М. Розина, допустимо рассматривать в качестве «ментальной оппозиции» привычному видению мира, как «полёт в самого себя» [23].

Многие проблемы обусловлены отсутствием специалистов в стыковых областях естественно-научного и гуманитарного знания, способных дать исчерпывающую оценку недостаточно изученным явлениям. Как следствие, например, обоснование телекинеза в монографиях доктора технических наук Г. Н. Дульнева [9] и доктора биологических наук А. П. Дуброва [8] выглядит в глазах непрофессионалов более аргументированно, нежели немногочисленные научные публикации, пытающиеся критически анализировать этот малоизученный феномен. На восполнение этого пробела в советскую эпоху были направлены миллионные тиражи научно-популярных журналов.

В определённых интеллектуальных кругах и среди радикальной молодежи популярны концептуальные исторические фальшивки: «Протоколы Сионских мудрецов», «Пророчания монаха Авеля», «Велесова книга», «Славяно-Арийские Веды» и др. Невероятных масштабов фальсификация истории достигла в популяризации так называемой «новой хронологии» А. Фоменко и Г. Носовского. Согласно ей, реальная датировка истории не соответствует общепринятой, а гораздо более сжата по времени. Констатируется, что многие события и исторические персонажи были на самом деле «фантомами» совершенно иных событий и исторических личностей. Опасность подобных псевдонаучных опусов, изданных миллионными тиражами, в профанации познавательной деятельности, в формировании презрения к аналитическому мышлению и распространении воинствующего обскурантизма. Как подчеркивает академик А. Б. Мигдал, «псевдонаука – это попытка доказать утверждение, пользуясь ненаучными методами, прежде всего, выводя заключение из неповторяемого неоднозначного эксперимента или делая предположения, противоречащие хорошо установленным фактам» [17, с. 60-67]. Многие учёные, увлечённые той или иной идеей, претендуют на радикальное изменение научной картины мира, не имея на то достаточных оснований. Негативным итогом популярности в обществе подобных идей является финансирование околонуучной деятельности сомнительных исследовательских структур государством.

В настоящее время в среде учёных продолжаются острые дискуссии о возможности противодействия распространению псевдонауки. С этой целью в 1998 г. РАН по инициативе нобелевского лауреата академика В. Гинзбурга образовала Комиссию по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований под председательством академика Э. Круглякова. Результаты её деятельности почти за два десятилетия оказались скромными. Авторитетнейшие фигуры отечественной науки почти сразу лишились государственной поддержки, а их оппонентам легко удается использовать против них риторику, с одной стороны, «инквизиторства», с другой – «борьбы с ветряными мельницами». Более успешный «заслон» на пути проникновения псевдонауки в Интернет ставят волонтеры из числа молодых учёных, сумевших создать специальные порталы, сайты и форумы, оснащённые технологиями интерактивного общения (А. Соколов [26], А. Панчин [22, с. 94-95] и др.).

Признавая переход к типу общества, базирующемуся на информационных технологиях, различные авторы совершенно по-разному оценивают его причины, сущность и дальнейшие перспективы. Наблюдается

консенсус в определении социально-экономических и политических характеристик: глобальная экономика, финансовый универсализм, маркетинг, менеджмент, корпоратократия, элита «новых кочевников» и др. При этом налицо диаметрально противоположные расхождения в философско-мировоззренческом осмыслении перемен.

Десятки исследований социологов, антропологов, политологов, культурологов, публикуемых на сайте *elibrary.ru*, руководствующихся дискуссионными, по сути, концептами («индустрия знаний» – Ф. Махлуп, 1962; «общество знаний» – П. Друкер, 1969; «постиндустриальное общество» – Д. Белл, 1973; «технологическое общество» – Д. Мартин, 1978; «сетевое общество» – М. Кастельс, 1996), посвящены мониторингу индекса готовности к «началу цифровой эры» в Белгородской, Псковской областях, на Алтае и т.д. [39]. Качественный анализ и выводы, как правило, строятся вокруг технической оснащённости и соответствующих статистических данных в определенных регионах и в государстве в целом [33, с. 20-22]. В этой связи можно вспомнить позицию известного математика и эколога академика Н. Н. Моисеева (1917-2000): «Сегодня термином “информационное общество” всё чаще пользуются и неспециалисты. Многие считают, что на планете уже устанавливается (а некоторые считают даже, что установилось) информационное общество. Так говорят те, кто сводит понятие об информационном обществе к чисто технической революции в сфере распространения и обмена информацией... Но мне эта проблема представляется несравненно более глубокой, а сами информационные технологии – лишь необходимым средством установления планетарного информационного общества» [19, с. 181].

В нынешней ситуации, когда государственная политика информатизации, сетевая экономика и обучение с использованием ИКТ стали повседневной реальностью, актуально предостережение одного из творцов цифровой эпохи, создателя кибернетики как науки, изучающей процессы хранения, переработки информации, управления и контроля, Норберта Винера (1894-1964): «Современный человек, и особенно современный американец, сколько бы у него ни было “знаний, как делать”, обладает очень малым “знанием, что делать”. Он благосклонно отнесётся к недостижимой ловкости полученных машиной решений, не слишком задумываясь над побуждениями и принципами, скрывающимися за ними. Поступая так, он рано или поздно поставит себя в положение того отца из книги Вильяма Уаймарка Джэкобса “Обезьянья лапа”, который мечтал получить 100 фунтов и в конечном итоге увидел у двери своего дома агента компании, в которой служил его сын, предлагающего ему 100 фунтов в качестве утешения за смерть его сына на фабрике» [2, с. 188].

С точки зрения челябинского исследователя И. Тузовского, логически построенное знание в новых условиях неизбежно будет уступать архаическому чувственно-образному знанию, постулирующему в качестве показателя востребованности зрелищность [30, с. 304]. Один из ведущих исследователей Интернета американский социальный философ М. Кастельс подчеркивает, что объективное и структурированное знание в условиях информационного поля теряет смысл, т.к. последовательность изложения событий всегда зависит от субъективного выстраивания контекста источником информации: «Если энциклопедии упорядочили человеческое знание по алфавиту, то электронные СМИ обеспечивают доступ к информации, выражению и восприятию её в соответствии с побуждениями потребителя или с решениями производителя» [14, с. 121]. В своей работе «Информационный взрыв и травма постмодерна» российско-американский культуролог М. Эпштейн отмечает, что привычная нам картина объективного знания о мире неизбежно будет релятивироваться, перемещаясь в зону субъективного восприятия: «Реальность не просто отчуждается, овеществляется или обесмысливается – она исчезает, а вместе с ней исчезает и общий субстрат человеческого опыта, заменяясь множеством знаково произвольных и относительных картин мира» [38].

Во многом проблема обусловлена противоречивыми толкованиями используемого в большинстве языков мира базового понятия – «информация» (от лат. *informatio* – ознакомление, разъяснение). Наглядный пример приведен в книге известного отечественного биофизика Д. С. Чернавского (1926-2016). Ссылаясь на специальное исследование, проведенное И. В. Мелик-Гайказяном, он заключает, что из десятков приводимых дефиниций ни одну нельзя считать в полном смысле удовлетворительной. В них отсутствует общее понимание, а диапазон интерпретаций расходится: от «вся совокупность данных о мире» до «сигнал, поступивший в сознание из внешнего источника» [34, с. 3-5]. Констатируется, что пока понятие «информация» используется на бытовом уровне для решения прикладных задач (система связи, шифрование и пр.), проблем не возникает, но ситуация принципиально меняется, когда его начинают употреблять в качестве термина, актуального для всей современной науки. «Крупнейшие ученые 20-го века – Н. Винер, К. Шеннон, Л. Бриллюэн, У. Эшби и др. – по-своему, в рамках решаемых научных проблем, определяли понятие информации. Это способствовало тому, что уже к концу 1980-х годов было распространено мнение, что этому общенаучному понятию невозможно дать общее определение и что оно должно уточняться в рамках конкретных наук» [24, с. 180].

С позиции естественных наук за понятием закрепились значения данных, получаемых в виде сигнала из внешней среды, позволяющих реципиенту их упорядочивать. Подчеркивается недопустимость прямого соотнесения понятия «информация» с основополагающими понятиями «материя», «энергия» и др. [41, р. 155]. Характерно, что единица измерения информации «бит» (бисистема, двоичный код) была предложена инженером и математиком Клодом Шенноном (1916-2001) независимо от появления кибернетики, криптографии и вычислительных машин (А. Тьюринга, Д. фон Неймана). Впервые предложив инструментарий количественного сохранения и трансляции сообщений, он с самого начала предостерегал от бездумного перенесения его в сферу гуманитарных наук, обозначив ажиотаж социологов, психологов и лингвистов вокруг этого понятия – «бандвагон» [36, с. 667-669].

Обращает на себя внимание, что в использовании понятий отдельными авторами нарушается один из законов формальной логики. Происходит фактическое отождествление «информации» и «знания». На уровне

массового сознания многие считают их синонимами. Как следствие, один объект определяется через другой, например: «информация – это знания, переданные кем-то другим или приобретенные путем собственного исследования» и «знание – это высшая форма информации» [21, с. 50]. Показывая бессмысленность такой категориально-понятийной эквилибристики, Д. Чернавский предложил дефиницию в стиле Козьмы Прутков: «Информация есть отражение отображения наших соображений» [34, с. 4].

В настоящее время наблюдается качественный сдвиг в содержании когнитивной деятельности. Если ранее накопление сведений о мире рассматривалось как следствие социального развития, то теперь информация фактически конструирует действительность, делая неосязаемой грань между реальностью и виртуальностью. Понятия «знание» и «информация» в качестве обозначения получаемых данных имеют разную основу. Если содержанием знания является систематизация, то главными характеристиками информации являются избыточность и стремление к энтропии. «Знания – это проверенный практикой общества результат познания действительности, основные особенности которого – систематичность, непротиворечивость и, главное, объективность, независимость от желаний и воли людей. Информация – сведения любого характера, выражающие чаще всего мнения говорящих, иногда сомнительной достоверности и, как правило, несопадающие или даже противоречащие друг другу» [12]. В ситуации, когда возможности информации рассматривают «в качестве основного направления интеллектуального процесса, обуславливающего неизбежность изменения универсальных социально-правовых и нравственных норм цивилизации», возникает противоречие между информацией и гуманитарной сферой [25, с. 228].

Отечественный математик и философ В. Н. Тростников почти полвека назад указал на особый психологический механизм познавательного процесса. Получение знания всегда сопряжено с внутренними усилиями и затратой труда: «...если человек сознался себе, что он не знает какого-то предмета, который для него было бы полезно и нужно знать, то он захочет заполнить пробел в своем образовании. Если же у него есть основания поверить в своё знание предмета, то он постарается поверить, чтобы не затрачивать труд и время на учебу, – такова уж природа людской психики» [29, с. 10].

Некоторые авторы подчеркивают объективные сложности в определении понятий: «“Знаниевое” определение понятия информации раскрывает связь этих двух важнейших понятий, оно указывает подчиненное отношение информации по отношению к знаниям: субъект воспринимает те или иные виды информации в зависимости от сложившихся знаний. Эти зависимости описываются т.н. “информационными моделями”, которые связывают, например, актуальную информацию о курсах валют со знаниями о финансовой конъюнктуре. Здесь мы сталкиваемся с проблемой разнообразия знаний и соответствующей им информации, в силу которой оказывается невозможно рассмотреть отношения между ними» [24, с. 186].

Утрированные подходы, возможно, к одному из глубинных аспектов современного миропонимания (сопоставимому со значимостью «основного вопроса» о первичности материи и сознания в рамках диалектического материализма) свидетельствуют не столько о проблеме терминологии, сколько о беспринципности философско-культурологического обоснования социальной значимости информации. Например, определение понятия «информационная культура» может не коррелировать с изначальным понятием «культура», подменяясь неаргументированной семиотикой. Наряду с обоснованными категориями «компьютерная грамотность» и «информационная компетентность» могут использоваться наукообразные оксюмороны «информационное культуротворчество», «информационная рефлексия» и пр. В частности, в определении: «Рефлексия представляет собой отслеживание человеком цели, процесса и результатов своей деятельности по происхождению информационной культуры, а также осознание тех внутренних изменений, которые в нем происходят, себя как изменяющейся личности, субъекта деятельности и отношений» [31, с. 71].

Произвольные толкования понятия «знание» фактически отрицают научную методологию. Например, в поверхностном сведении знания к информации, которая может быть использована два раза и более. Такая инверсия недопустима, т.к. специфика научного знания фундаментально и последовательно изучена в науковедении (И. Лакатос, С. Тулмин) и истории науки (Дж. Нидем, Д. Бернал, Ю. Рожанский и др.). Вопрос о смысловом соотношении знания и информации во многом философский и носит дискуссионный характер. Возможно, закономерен подход, предлагающий интерпретацию понятий в качестве антиномии (дихотомии). В рамках философского дискурса может использоваться обширный нарратив и самые различные гипотетические модели.

1. Знание – первичная матрица сведений и представлений, на основе которой в процессе экспоненциального роста возникает возможность точно описывать мир на новом качественном уровне с помощью единицы измерения – информации.

2. Информация – первооснова (субстрат) совокупности всех данных о мире, из которой по мере усложнения структурируются элементарные формы и высшая степень знания – «ratio» (аналогично образованию частиц из первичных кварков).

3. Знание и информация – различные, но одинаково существенные аспекты единого комплекса сведений об объекте познания, которые могут быть получены только при разных условиях опыта и не могут охватываться единственной системой описания, поэтому должны рассматриваться как дополнительные (в соответствии с «принципом дополнительности» Н. Бора).

4. Открытие в 1948 году цифрового измерения (кодирования) данных о мире указывает на существование двух одновременно присутствующих в интенциональном сознании систем дескрипции единого объекта познания – знание («ноэзис» – способ) и информация («ноэма» – предмет) (в соответствии с феноменологией Э. Гуссерля).

5. Информация – указание на смену познавательной парадигмы (в соответствии с эпистемологией Т. Куна) и переход к новому альтернативному типу мышления и новой форме восприятия искусственной (виртуальной) реальности, характеризующихся: актуализацией выбора «сценария знаний», скоростью принятия решений, целевым использованием полученных данных, отсутствием рефлексии, синхроничностью, многофункциональностью и др. (Следует признать умозрительность, внутренние противоречия и сложность конвергенции этих моделей.)

Непредсказуем разрыв познавательной традиции в результате возникновения двух типов современного человека – представителя письменной культуры с логико-понятийным мышлением и представителя постписьменной культуры с альтернативным («клиповым») мышлением (термин «clipping» первоначально обозначал подборку газетных вырезок на определённую тему). Отмеченное социальными психологами и педагогами кардинальное расхождение между поколениями указывает на подавляющее преобладание второго типа в возрастных группах младше 20 лет и первого типа в возрасте после 40 лет. Как считает известный психолог Рада Грановская, в восприятии молодежи вербальное замещается аудиовизуальным, отсутствует склонность к самоанализу, нарушается линейность мышления: «...в информационное поле можно войти и выйти в любой момент без всякой потери» [4]. Дети, выросшие в эпоху высоких технологий, по-другому смотрят на мир. Их восприятие – не последовательное и не текстовое, они видят картинку в целом и воспринимают информацию по принципу клипа: «...понимать – значит быстро понимать, а не танцевать герменевтические церемониальные танцы. Всё, что мешает быстро думать и быстро принимать решение, должно быть оставлено без внимания. Клиповое сознание – это монтаж. Оно не обобщает, а выдумывает» [Там же].

Фактор «клипового сознания» обуславливает многие проблемы в современной системе образования. Следствием перехода современной школы на новую технологическую основу стало нарушение иерархии знания. «Если культу информации подчинятся и те, в чьих руках находится образование молодого поколения, то это поколение в будущем может оказаться неспособным решать те социальные и этические проблемы, которые могут встать перед нашим обществом на последней стадии индустриальной революции <...> информация – это всего лишь факты, иногда полезные, иногда тривиальные, но они никогда не заменят *мысль*, и надо научить молодежь трезво оценивать роль и значение информации, не преувеличивая их» [27, с. 75]. В конце прошлого века Н. Н. Моисеев отмечал: «Избыток и неструктурированность информации рождает информационный хаос. А он – эквивалент невежества, потери видения истинных ценностей <...> необходимая (а не только полезная) информация тонет в хаосе “шумов”, и при современных методах отбора информации, то есть при существующей системе образования, бывает практически невозможно выявить нужный сигнал, тем более его интерпретировать» [18].

Тенденция снижения качества образования, отслеживаемая зарубежными специалистами с конца шестидесятых годов прошлого века (Ф. Кумбс, 1970), в нашей стране наметилась только в два последних десятилетия. Многие учителя, признавая негативное влияние универсализации тестирования, обеспокоены ориентацией учеников на знание лишь конкретных учебников, нарушением принципа контекстуальности, имитацией аналитических суждений и выводов. Средствами демонстрации «советской школы» выступает повсеместная монетизация образования [20]. Под угрозой традиционный способ передачи знания по линии «учитель – ученик». Как отмечает в своем исследовании Э. Волкова, изначально система обучения строилась не столько на воспроизведении полученной суммы знания, сколько на воспроизведении самого образа учителя [3, с. 42-47]. Базовый же принцип андрагогики – *non scholae, sed vitae discimus* (учимся не для школы, а для жизни), вопреки внешней убедительности, по сути, провозглашает альтернативный вектор – «каждый сам себе учитель»! Вместе с тем радикальное реформирование привычного «храма знаний» и переход к «структурам предоставления информационных услуг» отражают объективную тенденцию утверждения нового типа мышления, сочетая в себе деструктивные и конструктивные компоненты переходного периода. Анализируя историческое значение Интернета, М. Кастельс резюмирует: «Новая форма обучения ориентирована на выработку умения трансформировать информацию в знания, а знания – в действия» [13, с. 295].

Теоретики информационного общества пытаются проецировать дальнейшее развитие, делая акцент главным образом на социально-экономических и геополитических аспектах. В описании контуров будущего ставится знак равенства между понятиями «информационное общество» и «общество знания». С точки зрения одного из патриархов менеджмента Питера Ф. Друкера (1909-2005) и его последователей (Р. Эйкофф, Д. Диболд, Дж. У. Форрестер), изобретение компьютера предопределило революционные изменения не столько в науке и оборонной промышленности, сколько в работе высшего руководства, учёте экономических цепочек (*economic-chain accounting*), банковском деле, стратегии принятия решений в бизнесе. Важнейшим открытием П. Друкера, в корне противоречащим марксизму, стало утверждение, что дополнительную прибыль нужно получать не за счёт увеличения инвестиций и сокращения издержек, а за счёт создания «новой стоимости» посредством использования информации.

С позиции менеджмента акцент делается на умении добывать и применять информацию, необходимую для получения конкретного результата: «Слишком часто за информацию принимается просто большой объем данных. Разница между большим объемом данных и информацией примерно такая же, как между телефонной книгой, в которой миллионы фамилий, и фамилией, местом работы и адресом нужного вам человека <...> мы собираем информацию не для того, чтобы накапливать знания, а для того, чтобы предпринимать правильные действия» [7]. Концепт «общество знаний», используемый в теории «постэкономического общества» (1993), связывается с трансформацией знания как одного из видов ресурсов в главный вид ресурсов [1]. Вопреки пояснению

«нынешнее общество ещё преждевременно рассматривать как “общество знания”» [6, с. 71], очевидно, что подобный тренд в понимании роли и места познания не связан ни с собственно научной (Евклид – Г. Галилей – И. Ньютон – Д. Максвелл – А. Эйнштейн – М. Планк – Э. Ферми – В. Гейзенберг), ни с когнитивной традицией в целом (Аристотель – Августин – Р. Декарт – И. Кант – К. Маркс – З. Фрейд – Ф. Ницше – М. Хайдеггер). Отстаиваемый менеджментом универсальный лозунг банкиров начала XIX века – «кто владеет информацией, тот владеет миром» – указывает лишь на значимость интеллекта в получении сверхприбыли и обеспечении превосходства над конкурентами, не имея преемственности со знаменитыми императивами величайших предшественников (Сократ, Ф. Бэкон, Р. Декарт, Г. Гегель и др.), обозначающими этапные события в осмыслении природы и социума. Принципиально значимо понимание, что информация не имманентна знанию.

Гениальное прозрение перехода не просто к новой системе коммуникации, а к другому типу цивилизации выражено провозвестником новой эпохи, канадским мыслителем Маршаллом Маклюэном (1911-1980): «Новые средства и технологии, посредством которых мы расширяем и выносим себя вовне, составляют в совокупности колоссальную коллективную хирургическую операцию, проводимую на социальном теле при полном пренебрежении к антисептике. Когда возникает потребность в той или иной операции, следует принимать во внимание неизбежность того, что во время операции заражается вся система» [16, с. 77]. Умышленно игнорируя заявлениями о содержательной равноценности информации в дайджесте фирмы «Кока-кола» и «Божественной комедии» Данте, вызывая всеобщее возмущение современников заявлениями, что в ближайшее время ни один товар не будет продаваться без рекламы, а партийные выборы – без применения политтехнологий, он одним из первых обратил внимание на смещение мировоззренческой парадигмы в «постписьменном» обществе: «Интерес к эффекту, а не к значению есть основное изменение, произошедшее в наше электрическое время, ведь эффект заключает в себе всю ситуацию целиком, а не просто какой-то один уровень движения информации» [Там же, с. 33].

Одним из радикальных критиков цифровой революции выступал известный американский культуролог-неолуддит, один из теоретиков контркультуры Теодор Роззак (1933-2011). В своем исследовании «Культ информации» (1986), сделанном еще тридцать лет назад, он пришёл к выводу, что эйфория обсуждения злободневной темы «информационного общества» несколько не связана в массовом сознании с желанием действительно разобраться в сути проблемы. Наибольшую опасность, по его мнению, представляет «вынесение за скобки» смысловой и ценностной компоненты: «Для теоретиков информации не имеет значения, что мы передаем: факт, приговор, плоское клише, глубокое учение, возвышенную истину или непристойность» [40, р. 14]. Он проводит аналогию между верой в информацию и религиозностью: «...не зная, что такое информация, американцы готовы верить, что “мы живем в Век информации”, при этом вера в компьютер, то, чем был крест в Век веры – в символ “спасения”, закономерно слово “информация” по своей популярности за последние 40 лет в общественном лексиконе сопоставимо со словом “Бог”» [27, с. 68]. В работе акцентируется внимание на тотальности превращения информации в одну из основных общественных псевдоценностей – наивыгоднейший товар: «...информация превратилась в остро необходимый всем товар, производство которого стало обходиться во многие миллиарды долларов» [Там же, с. 72]. Американский мыслитель насторожен не только деформацией системы ценностей, но и деградацией системы мышления: «...жизненно важна разница между тем, что происходит в компьютере, и тем, что происходит в мозгу человека <...> сила разума, воображения человека, развивать которые призвана, в частности, школа, из-за этого смешения могут быть выхолощены, подорваны» [Там же, с. 73]. С его точки зрения, вопреки гипертрофированному обману рекламы, измышлениям СМИ и коммерческой пропаганде, необходимо все усилия направить на возрождение искусства мышления. Размышляя о причинах, сущности и контурах будущего современного ему информационного бума, Роззак предвосхищает дискуссии вокруг востребованного ныне трансгуманизма (т.е. замены человека, как исчерпавшего себя этапа биологической эволюции, более совершенной машиной): «Ошибаются те, кто забывает, что сознание “думает мыслями”, а не информацией. Информация может иллюстрировать мысль, но она не создает её. Культура выживает только благодаря силе, гибкости и плодотворности своих основополагающих идей» [Там же, с. 77].

Толкование информации как «духа современной эпохи» представлено в книге Эрика Дэвиса «Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху» (2008): «В сознании множества людей то, что прежде было просто знанием, стало мутировать в новую сферу самой реальности, лежащую следом за материей и энергией в качестве одного из фундаментальных “кирпичей”, составляющих фундамент космоса. Если электричество – это душа современной эпохи, то информация – это её дух» [10, с. 114]. С его точки зрения, информация представляет собой промежуточную субстанцию между материей и сознанием: «Будучи, по сути, внетелесным, “ментальным” элементом, информация тем не менее происходит из внешнего физического мира... Информация возникает в зазоре между сознанием и материей» [Там же, с. 115]. Он против вторжения мультимедийности в гуманитарный дискурс и отрицает панацею «эффективной системы обработки информации» в решении всех проблем обучения, мышления и социального поведения: «Расцветшая в послевоенном обществе технократия, похоже, нашла свой *lingua franca*: объективный, утилитарный, вычислительный язык контроля, при помощи которого можно было бы управлять карнавалом человеческой жизни» [Там же]. Самым тревожным симптомом времени, по его мнению, является недопустимое смешивание информации и смысла, чем и обусловлен удивительный парадокс: «...наше общество очень ценит информацию, хотя информация сама по себе ничего не может сказать нам о ценности» [Там же].

Таким образом, всеобщий переход человечества к информационному обществу требует глубокого и всестороннего изучения и определённого мужества в понимании природы «феномена человека» (Т. де Шарден).

Недопустимо сводить понимание сущности новой мировоззренческо-этической парадигмы общественного сознания к фактору статистической готовности и оснащённости цифровыми технологиями и гаджетами. В этом отношении проблема беспринципного сосуществования в информационном пространстве мистики, эзотерики и псевдонауки должна рассматриваться в более широком контексте, учитывающем все меняющиеся реалии современного социума.

Список литературы

1. **Алексеева И. Ю.** Общество знаний: посткапиталистическая перспектива России [Электронный ресурс]. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPC/b68da86a4dffd5ec325788d0040e8e5/> (дата обращения: 04.11.2016).
2. **Винер Н.** Кибернетика и общество / пер. Е. Г. Панфилова; общ. ред. и предисл. Э. Я. Кольмана. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 199 с.
3. **Волкова Э. Н.** Отношение «учитель – ученик» в традиционной и современной культуре // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». 2008. № 10. С. 42-47.
4. **Грановская Р.** Люди с клиповым мышлением элитой не станут [Электронный ресурс]. URL: <http://econet.ru/articles/67553-rada-granovskaya-lyudi-s-klipovym-myshleniem-elitoy-ne-stanut> (дата обращения: 22.11.2016).
5. **Дворников В. В., Иванов Ю. В.** Проблема псевдонауки и квазирелигии в условиях информационного общества // Власть и общество: история взаимоотношений: материалы Десятой региональной научной конференции (г. Воронеж, 19 марта 2016 г.) / под общ. ред. В. Н. Глазьева. Воронеж: ИСТОКИ, 2016. С. 462-468.
6. **Дракер П.** Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 67-100.
7. **Друкер Питер Ф.** Задачи менеджмента в XXI веке [Электронный ресурс]. URL: http://www.nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/nsu/9031/druker_managementXXI_ru.pdf (дата обращения: 29.10.2016).
8. **Дубров А. П., Пушкин В. Н.** Парапсихология и современное естествознание. М.: Соваминко, 1990. 280 с.
9. **Дульнев Г. Н.** В поисках Тонкого мира. Психокинез, телепатия, телекинез: факты и научные эксперименты. СПб.: ИД «ВЕСЬ», 2004. 288 с.
10. **Дэвис Э.** Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / пер. с англ. С. Кормильцева, Е. Бачиной, В. Харитоновой. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. 480 с.
11. **Иванова Е. В., Фархитдинова О. М.** Внеконфессиональная религиозность: монография. Екатеринбург, 2013. 138 с.
12. **Ильин Г.** От педагогической парадигмы к образовательной [Электронный ресурс] // Высшее образование в России. 2000. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ot-pedagogicheskoy-paradigmy-k-obrazovatelnoy> (дата обращения: 23.12.2016).
13. **Кастельс М.** Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитоновой. Екатеринбург: У-Фактория; Изд-во Гуманитарного ун-та, 2004. 328 с.
14. **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
15. **Колкунова К. А.** Современные концепции квазирелигий [Электронный ресурс] // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-kontseptsii-kvazireligii> (дата обращения: 12.08.2016).
16. **Маклюэн Г. М.** Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М. – Жуковский: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. 464 с.
17. **Мигдал А.** Отличима ли истина от лжи? // Наука и жизнь. 1982. № 1. С. 60-67.
18. **Моисеев Н. Н.** Кризис современного образования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.itmathrepetitor.ru/n-noiseev-krizis-sovremennogo-obraz/> (дата обращения: 14.11.2016).
19. **Моисеев Н. Н.** Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001. 200 с.
20. **Неклюдов С.** Гильотина как эффективное средство от мигрени [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/author/nekludov/> (дата обращения: 14.09.2015).
21. **Ореховская Н. А.** Эволюция массового сознания россиян / отв. ред. Ю. Г. Волков; Южный федеральный ун-т; Северо-Кавказский науч. центр высш. шк. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2011. 286 с.
22. **Панчин А. Ю.** Вопреки мнению научного сообщества // Природа. 2015. № 3 (1195). С. 94-95.
23. **Розин В. М.** Как святого отличить от душевнобольного [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/science/2003-12-10/14_different.html (дата обращения: 14.05.2016).
24. **Седякин В. П.** Информация и знания // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2009. № 8 (63). С. 180-187.
25. **Скворцов Л. В.** Информационная культура и цельное знание. М.: Изд-во МБА, 2011. 440 с.
26. **Соколов А.** 15 признаков псевдонауки в статье, книге, телепередаче, веб-сайте [Электронный ресурс]. URL: <http://stavroskrest.ru/content/aleksandr-sokolov-15-priznakov-psevdo-nauki-v-state-teleperedache-veb-sayte> (дата обращения: 20.11.2016).
27. **Султанова М. А.** Философия контркультуры Теодора Розака: очерк философской публицистики / Ин-т философии РАН. М.: ИФРАН, 2009. 175 с.
28. **Тихонравов Ю. В.** Судебное религиоведение. М.: Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998. 272 с.
29. **Тростников В. Н.** Человек и информация. М.: Наука, 1970. 186 с.
30. **Тузовский И. Д.** Утопия-XXI: глобальный проект «Информационное общество» / Челяб. гос. акад. культ. и искусств. Челябинск, 2014. 389 с.
31. **Фомин В. И.** Информационная культура в подготовке современного специалиста // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. № 4. С. 69-72.
32. **Хазен А. М.** О лженауке, ее последствиях и об ошибках в науке [Электронный ресурс] // Наука и жизнь. 2016. № 3. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/4895/> (дата обращения: 09.04.2016).
33. **Хохлов Ю. Е.** Готовность регионов России к информационному обществу // Информационное общество. 2006. № 4. С. 20-22.
34. **Чернавский Д. С.** Синергетика и информация. Динамическая теория хаоса. М.: Наука, 2001. 105 с.
35. **Черникова В. Е.** Манипуляция массовым сознанием как феномен информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 141-144.

36. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. 832 с.
37. Эйдельман Е. Д. Ученые и псевдоученые: критерии демаркации // Здравый смысл. 2004. № 4 (33). С. 19-24.
38. Эпштейн М. Информационный взрыв и травма постмодерна [Электронный ресурс]. URL: <http://old.russ.ru/journal/travmp/98-10-08/epsht.htm> (дата обращения: 14.10.2015).
39. <http://elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 08.12.2016).
40. Roszak T. The Cult of Information: A Neo-Luddite Treatise on High-Tech, Artificial Intelligence, and the True Art of Thinking. Berkeley: University of California Press, 1994. 267 p.
41. Wiener N. Cybernetics, or Control and Communication in the Animal and the Machine. N. Y.: Technology Press; John Wiley & Sons, 1948. 360 p.

PROBLEM OF CO-EXISTENCE OF OBJECTIVE KNOWLEDGE, MYSTICISM, PSEUDOSCIENCE IN THE CONTEXT OF THE INFORMATION SOCIETY

Dvornikov Viktor Viktorovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Yelets State University named after I. A. Bunin
dvel_08@mail.ru

The article is devoted to transformation of the tradition of cognition in the information society. The author studies the humanities crisis as a result of unjustified identification of knowledge and information. He analyzes co-existence of scientific knowledge, mysticism and pseudoscience in the media space. It is stated that popularity of sensational discoveries, falsifications and mythologemes is conditioned by demand for them among a large part of the Internet users. The problem, according to the author, is in transition to a new system of communication and change of the ideological paradigm, which requires a deep and thorough study.

Key words and phrases: information society; pseudoscience; super-confessional character; demarcation; cognitive tradition; knowledge and information; post-written culture; the humanities crisis; virtuality; alternation; ideological paradigm.

УДК 93[908]

Исторические науки и археология

В статье проводится анализ историко-краеведческих результатов, полученных при разработке локаций для квест-туров. Были изучены опубликованные источники, материалы, собранные местными краеведами, совершены полевые выезды, записаны интервью. Делается вывод о значительном туристическом потенциале Тамбовской области. Вместе с тем обращается внимание на утрату памятников истории и культуры, обусловленную как объективными, так и субъективными факторами.

Ключевые слова и фразы: краеведение; квест-туризм; Тамбовская область; туристический кластер; паломнический туризм.

Двухжилова Ирина Владимировна, к.и.н., доцент

Дик Антон Артурович, к.и.н., доцент

Толстяков Роман Рашидович, д.э.н., доцент

Тамбовский государственный технический университет
eriniya711971@mail.ru; dick_an@mail.ru; tolstyakoff@mail.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КВЕСТ-ТУРИЗМ НА ТЕРРИТОРИИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Публикация подготовлена в рамках Гранта для поддержки прикладных исследований молодых учёных Администрации Тамбовской области (проект № 22-04/МУ29-16).

Популяризация краеведения является неотъемлемой частью развития внутреннего туризма. Тамбовская область не остаётся в стороне от современных веяний в этой сфере. Летом 2016 г. областной Думой был принят Закон «О туристской деятельности в Тамбовской области» [9]. Его отличает от ранее действовавшего Закона «О туризме в Тамбовской области» 2011 г. введение понятия «туристско-рекреационный кластер». Предполагается, что на территории всей области их будет четыре: Рахманиновский (уже функционирует), Мичуринский (в процессе создания), Северный (Моршанский и Сосновский районы) и Центральный (Тамбов) [9; 10].

Тема внутреннего туризма для области не нова [13; 14]. Ранее маршруты были рассчитаны на туристов-спортсменов, школьников, краеведов, совершавших походы пешком, на велосипедах или лодках по рекам, с ночёвкой в палатках. В современном же понимании это должна быть целая инфраструктура, в которую, кроме собственно достопримечательности, входят «объекты питания, проживания для туристов, наличие сувенирных лавок, качественных дорог, санитарных зон и многое другое» [10].

Целью проекта «Организация образовательного историко-краеведческого квест-туризма на территории Тамбовской области с применением интерактивных телекоммуникационных технологий» является разработка и частичная апробация программы образовательного туризма в сфере исторического краеведения в формате интерактивного квеста на территории Тамбовской области. При этом предполагается решать такие задачи, как патриотическое воспитание и популяризация истории родного края. Подробно решение